

Жуков Артем Вадимович

РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу исследований религиозной безопасности в постсоветской России, где проходят процессы, влияющие на изменение социального отношения к религии. В статье показано, что многие исследователи анализируют факторы межконфессиональной напряженности, основанные на методологии "своих" и "чужих". Однако для адекватного понимания проблемы религиозной безопасности необходимо разделять понятия "религия" и "религиозные объединения". Социальная практика последних может выходить за рамки религиозных предписаний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 66-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 291.7

Философские науки

Статья посвящена анализу исследований религиозной безопасности в постсоветской России, где проходят процессы, влияющие на изменение социального отношения к религии. В статье показано, что многие исследователи анализируют факторы межконфессиональной напряженности, основанные на методологии «своих» и «чужих». Однако для адекватного понимания проблемы религиозной безопасности необходимо разделять понятия «религия» и «религиозные объединения». Социальная практика последних может выходить за рамки религиозных предписаний.

Ключевые слова и фразы: религиозная безопасность; концепции религиозной безопасности; конфессиональное взаимодействие; социальная практика религий; религиозная угроза; опасность религии; религиозное мировоззрение; межконфессиональные конфликты.

Жуков Артем Вадимович, д. филос. н., доцент
Забайкальский государственный университет, г. Чита
artem_jukov68@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ
НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Начиная с 90-х гг. XX в. на территории России проходят процессы, влияющие на изменение социального отношения к религии, что служит основанием для пересмотра научных трактовок социальной роли религии. При этом, несмотря на то, что в целом отношение к религии стало более терпимым, многие исследователи, а также религиозные и общественные лидеры отмечают актуализацию негативного потенциала ряда религиозных объединений. Все чаще ставится известно об участившихся фактах религиозного экстремизма и терроризма, что делает актуальным анализ тех аспектов социальной реальности, которые являются факторами смягчения либо усиления межконфессиональной напряженности [23].

Общие закономерности современного развития религиозной сферы Российской Федерации, отражены в работах К. А. Богданова, К. Каарийнена, Д. Фурмана, С. Б. Филатова и Р. Н. Лункина, А.-В. С. Полосина, Г. Рормозера, П. В. Чельшева, М. Эпштейна. Светскую точку зрения на проблемы религиозной безопасности отразили Р. Ю. Беляков, Н. С. Гордиенко, С. И. Иваненко, И. Я. Кантеров, А. Н. Красников, П. Н. Костылев, А. В. Муравьев и М. Н. Ситников, Р. Н. Лункин, Н. А. Митрохин, С. Б. Филатов, Ю. Г. Петраш, Е. С. Элбакян, И. Н. Яблоков. Позиции атеизма защищают Е. Г. Балагушкин, Л. И. Григорьева, Л. Н. Трофимчук. Православный взгляд на проблему религиозной безопасности обосновывают Л. А. Андреева, В. Аксючиц, Л. С. Астахова, О. А. Богданова, Р. Р. Гарифуллин, А. Л. Дворкин, А. Игнатова, В. Ю. Инговатов, Н. Карпицкий, Г. П. Климов, И. А. Кольченко, Н. В. Кривельская, М. Ю. Кузнецов, А. В. Кураев, В. В. Кучурин, В. А. Мартинович, Т. С. Оленич, А. И. Осипов, А. В. Пименов, Р. Силантьев, О. В. Стеняев, Д. Таевский, С. В. Ткаченко, С. А. Шатохин, Р. М. Конь, Б. А. Фаликов, М. О. Шахов, А. В. Щипков, А. И. Хвьяля-Олинтер.

Методология исследования содержания современных публикаций, посвященных религиозной безопасности, основана на компаративистском подходе, направленном на анализ общих и специфического элементов, используемых для воздействия на верующих; системном методе, использованном для комплексного исследования процессов религиозного влияния; методе типологизации, имевшем значение при описании социальных проявлений религии; феноменологическом методе, примененном для анализа религиозных смыслов, порождаемых взаимодействием религиозных идей и сознания.

В результате проведенного анализа получены данные о том, что, несмотря на широкую палитру представлений о социальных задачах и функциях религии, практическую значимость на территории постсоветской России имеют ангажированные исследования, отличающиеся фрагментарностью представлений о религиозной безопасности. Научный, как и общественный дискурс по проблемам религиозной безопасности, проходящий в условиях «информационной войны», строится на методологии, разделяющей религиозные объединения, на «своих» и «чужих». В то же время внимание общества к исследованиям, делающим акцент на том, что одни религии представляют, а другие не представляют опасность для общества, негативно сказывается как на развитии религиоведения, так и на сфере межконфессиональных отношений. Проведенное исследование позволяет утверждать, что для адекватного понимания проблемы религиозной безопасности необходимо разделять понятия «религии» и «религиозные объединения», Социальная практика последних может выходить за рамки религиозных предписаний и носить деструктивный характер. Целью данной статьи является исследование представлений о религиозной безопасности в постсоветской науке о религии.

Первоначально крушение монолитных идеологий было воспринято как тенденция, ведущая к оздоровлению общества, что в 1990 г. ознаменовалось принятием закона РСФСР «О религиозных верованиях», согласно которому были отменены запреты на религиозную свободу и деятельность. Это сыграло позитивную роль в регулировании отношений между религиями и обществом, где получила хождение идея о «конце идеологии», что на короткий срок реабилитировало светский подход в религиоведении. Этот период ознаменовался формированием светской позиции в исследованиях религии, представленной в методологических

разработках А. Н. Красникова, который утверждал необходимость равного отношения к различным типам религий, в том числе к выявлению их возможной опасности для общества и личности [17, с. 5].

Однако довольно скоро политические и социально-экономические реалии современного мира вновь изменили акценты в общественном понимании того, чем являются религиозные права и свободы. Диверсификация субъектов целеполагания в публичной политике способствовала тому, что государство стало рассматривать как вызов деятельность некоторых зарубежных, то есть «чужих» религиозных организаций [4, с. 26]. В результате российское общество оказалось перед мировоззренческой дилеммой, разделяющей мир на «чужих», то есть «внешних врагов, несущих угрозу большой войны», и «своих», то есть «российский народ», отстаивающий ценности своей истории и культуры. В сфере исследований религии это отразилось на появлении публикаций, нацеленных на освещение вероучения и деятельности религиозных объединений в контексте проблематики безопасности [23].

Одно из этих направлений было связано с атеистической традицией в отечественном религиоведении, представленной трудами Е. Г. Балагушкина, Л. Н. Трофимчука, Л. И. Григорьевой, которые, основываясь на методологии диалектического материализма, априорно видели перманентную угрозу в любой религии. Среди атеистических авторов в постсоветской России наиболее заметны труды Е. Г. Балагушкина, который выражает негативную точку зрения обо всех религиозных движениях в контексте марксистского понимания проблем религиозной безопасности [5]. Л. И. Григорьева развивает его положения и обосновывают концепцию, согласно которой нетрадиционные религии являются побочным результатом развития индустриального общества. Они в религиозной форме отражают социальные проблемы, стоящие перед личностью, нацеливают ее на разрыв связей с исторической традицией, создавая новые и поэтому опасные религиозные доктрины [9]. Атеистическая точка зрения оспаривается в публикациях С. И. Иваненко, считающего, что атеизм представляет собой опасность куда большую, чем нетрадиционные религии, так как является квазирелигией [12].

Другим направлением, которое в условиях современной России анализирует проблемы религиозной безопасности, является то, которое исходит из принципа, отделяющего «традиционные» религиозные объединения, которые считаются культуuroобразующими, от «нетрадиционных», то есть «чужих», признаваемых разрушительными и опасными. В качестве традиционных религий в их произведении выступают православие, ислам, буддизм, иудаизм, которые, как утверждается, сыграли культуuroгенную, легитимизирующую и сакрализирующую функции в истории России. В качестве нетрадиционных выступают иные конфессии [29].

Представленная группа не является единой, так как в ней выделяются, с одной стороны, труды ученых, не скрывающих свои патриотические и духовные ориентиры, но использующих для обоснования их научную аргументацию, и, с другой стороны, публикации тех, кто, по словам А. С. Фетисова, обеспокоен только судьбой своих конфессий [31]. Первая группа авторов, таких как Л. А. Андреева, М. О. Шахов, В. Аксюциц, В. В. Кучурин, Б. А. Фаликов, Л. С. Астахова, имея православные ценностные ориентации, тем не менее пытается выявить объективные закономерности, благодаря которым были сформированы и распространились представляющие опасность для русской православной культуры религиозные представления. Л. А. Андреева доказывает, что причиной появления нетрадиционных религий стали процессы секуляризации, начавшиеся после реформ Петра I, направленных на дискредитацию православной церкви [2, с. 80]. С точки зрения В. Ю. Инговатова, опасность представляет процесс секуляризации русского религиозного сознания, так как духовное и социальное освобождение общества и человека от религии и церковных институтов породило онтологический нигилизм, при котором человек утерял потребность в обращении к Богу и возжелал сам занять Его место [13, с. 137]. На опасность секуляризации указывает М. О. Шахов, доказывающий, что в результате секулярных реформ Никона были подорваны православные формы богопочитания, девальвирован авторитет православной церкви, что и привело к активизации народных религиозных движений, ставших ответом на никоновскую реформу [35].

Секуляризация и творчество в области религии, многими рассматривается как угроза, так как за этим творчеством таким авторам, как В. Аксюциц [1] и В. В. Кучурин [19], видится inferнальная духовная активность дьявола, использующего нетрадиционные религии как орудие в борьбе с Богом. По мнению Б. Фаликова, секуляризация представляет общественную опасность, так как способствует оттеснению религии на периферию общественных процессов, превращает ее в частное дело индивида. Это опасно появлением нетрадиционных и фундаменталистских религий, способных дать успокоение и умиротворенность, заполнить душевную пустоту, но не привести к истине [30].

По мнению Л. С. Астаховой, религии, носящие нетрадиционный и фундаменталистский характер, представляют угрозу для общества. Согласно ей, ведущим фактором, определяющим опасность религиозной организации, является содержание ее вероучения, в котором присутствуют призывы к разрушению норм, ценностей и связей [3]. С этой точкой зрения согласен Д. Таевский, считающий, что опасностью ряда нетрадиционных религий является отвлечение верующих, ищущих материальный успех от истинной православной церкви [27].

В отличие от этих исследований, указывающих на абстрактные параметры понятий «религиозная опасность» и «религиозная безопасность», другая группа авторов публикует материалы, в которых напрямую как источник опасности развенчивается «деструктивная деятельность» так называемых «тоталитарных сект». Эта группа представляет позицию антикультулизма, которого придерживаются А. Л. Дворкин, Р. Силантьев, А. В. Кураев, А. В. Щипков, Р. Р. Гарифуллин, Н. В. Кривельская, А. И. Хвыля-Олинтер, И. Куликов, В. А. Мартинович, противопоставляющие «своим» «традиционным», то есть культуuroобразующим, религиозным объединениям «нетрадиционные», признаваемые ими опасными, разрушительными.

Идейное влияние на формирование этого направления исследований религиозной безопасности оказывают труды А. Л. Дворкина, развивающего концепцию, согласно которой любые неправославные религиозные

движения – это «тоталитарные секты», характеризующиеся строгой иерархией и подчинением лидерам, использующим методы психического воздействия с целью порабощения неопитов [10]. Эта же концепция является содержанием публикаций А. И. Хвилья-Олинтера, который основывается на априорной вере в наличии криминальной составляющей социальной деятельности неправославных религий, которые именуются им как деструктивные культы [32]. Р. А. Силантьев направил свои публикации на обоснование опасности со стороны такой религии, как ислам, в частности ее нетрадиционные направления зарубежного толка. Все эти направления, не учитывая их различий между собой, Р. А. Силантьев относит к течениям экстремистской направленности [25]. Априорная оценка степени опасности, исходящей от нехристианских религий, характерна для трудов О. А. Богдановой, разработавшей классификацию, в основу которой положено отношение той или иной религии к традиционному христианству. Она выделяет антихристианские, нехристианские и псевдохристианские религии [7]. Сходные взгляды выражаются в трудах Т. С. Оленич, утверждающей, что людям, попавшим в секту, наносится серьезный вред, так как у них наблюдаются фобии, депрессии, нарушение идентичности, потеря спонтанности, расстройство сна, сексуальные проблемы, приступы паники, галлюцинации, паранойя [22, с. 7].

При этом показательной становится тенденция, когда в качестве угрозы религиозной безопасности стали рассматриваться не только признаваемые нетрадиционными религиозные группы, но и труды философов и ученых, преподносящих проблемы религиозной безопасности в контексте методологии, обращающей внимание на общечеловеческий аспект сохранения прав и свобод человека. Одним из произведений, свидетельствующих о такой тенденции, является книга С. В. Ткаченко, который, апеллируя к ценностям безопасности российского государства, ведет борьбу с его «информационными врагами», к которым он относит И. Е. Дискаина, В. Г. Немировского, О. А. Платонова, А.-В. С. Полосина, содержание произведений которых якобы дискредитирует нашу страну и общественную мораль [28]. Это позволяет утверждать, что среди публикуемых российских авторов все более ощутимым становится разделение на «своих» и «чужих».

Тезис, в соответствии с которым исследование религиозной безопасности должно быть посвящено проблемам, связанным с деятельностью конфессий, не соответствующих православным традициям российского общества, оказался воспринят представителями юридической науки, например, таким как Т. Э. Шуберт, который использует свидетельства вышеупомянутых авторов для обсуждения вопросов несовершенства российского законодательства и необходимости совершенствования системы регулирования деятельности религиозных объединений, основанных на нетрадиционной и этнической конфессиональности. Ведущий мотив его публикаций заключается в указании на наличие угроз личной, национальной, государственной безопасности, исходящих от нетрадиционных религиозных объединений, и разработку путей их эффективного решения, путем реализации системы мер, направленных на предупреждение и пресечение деятельности указанных религиозных объединений [36].

В ответ на распространение антикультистских настроений, которые затронули не только науку, но и политику, стали появляться научные публикации и выступления светски настроенных ученых и правозащитников, направленных на защиту религиозной свободы. Главным образом объектом их критики стала книга А. Л. Дворкина о тоталитарных сектах, содержащая основные постулаты антикультизма. С их критикой выступили многие авторы, в том числе Р. Н. Лункин, который считает методы А. Л. Дворкина ненаучными, а описываемую им реальность – не имеющей ничего общего с тем, что происходит на самом деле [20, с. 136].

Радикальные определения А. Л. Дворкина не принимаются такими авторами, как Г. П. Климов, М. Ю. Кузнецов, И. А. Кольченко, С. А. Шатохин, Р. М. Конь. Они не выражают симпатию к «сектам», однако считают неприемлемыми методы исследования, описания и борьбы с сектантством, которые предлагает А. Л. Дворкин. В частности, М. Н. Кузнецов выступает против использования термина «тоталитарный», который был позаимствован из политологии в богословие [18, с. 126]. С. А. Шатохин доказывает, что Дворкин подменяет понятие «секта» понятием «тоталитарная секта», а также «деструктивная религиозная группа» [34, с. 4]. И. А. Кольченко указывает на неverifiedируемость утверждений Дворкина и возможность отнесения к разряду «тоталитарных сект» любой религии. Бездоказательность, упрощение и нацеленность на поверхностную дискредитацию произведений А. Л. Дворкина, по мнению И. А. Кольченко, представляют опасность для православной церкви, так как ее оппоненты получают возможность доказать ее некомпетентность в вопросах религии и веры [15, с. 145]. Аналогичного мнения придерживается О. В. Стеняев. Он считает, что методы борьбы А. Л. Дворкина с представляющими опасность религиями не менее опасны, чем эти религии. А. Л. Дворкин использует Уголовный кодекс и собирает компромат на верующих, что дает противникам православия основание указать, что методы эти не христианские, а тоталитарные [26]. На ошибки «тоталитарной теории» Дворкина указывает Р. М. Конь, полагающий, что вменяемые в вину «сектам» элементы социальной практики, такие как «изменение сознания», иерархическое управление, коммерческая деятельность, молитвенные обращения к божеству, применяются всеми религиозными движениями [16].

Права считающихся нетрадиционными религиозных организаций отстаивают такие религиоведы, как Н. А. Митрохин, Р. Ю. Беляков, А. Нежный, Ю. Г. Петраш. Детально разобрал и дал основательную критику антикультистской терминологии И. Я. Кантеров, который доказывает, что используемые А. Л. Дворкиным термины, такие как «деструктивная секта» и «тоталитарная секта», не являются научными, так как в них отсутствуют устойчивые типологизирующие признаки. Однако, как он отмечает, для придания им научности они «иллюстрируются устрашающими цифрами и описаниями жутких злодеяний» [14, с. 16]. Эту точку зрения подтверждает Н. М. Митрохин, согласно которому версия об опасности нетрадиционных религий необходима РПЦ, которой важно возложить на них ответственность за падение интереса верующих к церкви. По мнению Н. М. Митрохина, на деле значительную опасность представляют разногласия и сложные отношения между различными группами в православной церкви [21].

Одной из наиболее заметных книг, содержащих информацию о религиозной организации, преследуемой антикультулистским движением, стала монография Н. С. Гордиенко. Она показала ограниченность возможностей антикультулистских организаций в доказательстве опасности той или иной религии, а также продемонстрировала опасность самого антикультулизма [8]. Сегодня светскую точку зрения на развитие государственно-конфессионального взаимодействия развивает С. И. Иваненко, раскрывающий источники и причины обострения конфликтов на религиозной почве. Основное внимание он уделяет защите прав и свобод религиозной личности, которые подвергаются опасности со стороны антикультулистских организаций, показывает источники финансирования сил, разжигающих межрелигиозную рознь, раскрывает политическую подоплеку антикультулизма. С. И. Иваненко разбирает случаи давления на объединения саентологов, кришнаитов, мусульман, которые нарушают права верующих. По его мнению, это наносит ущерб государству, на территории которого провоцируется межконфессиональная рознь. Кроме этого, на внешнеполитической арене это государство обретает негативный образ преследователя религиозного инакомыслия [11].

Важно отметить, что дискурс между различными группами исследователей религии все больше привлекает внимание представителей социальной философии, которые пытаются проанализировать особенности развития религиозной ситуации в России не только в контексте возможных угроз, но и с учетом общемировых тенденций развития религии и общественного сознания. Например, этой теме посвящена работа П. В. Чельшева [33, с. 9], где отразились тенденции современного развития религиозной сферы, предполагающие наличие широких возможностей религиозного выбора и сохранения религиозных свобод. К. А. Богдановым проанализированы аспекты влияния современного постфольклора на возрождение религиозного сознания [6, с. 242]. А.-В. С. Полосин показывает, что проблемы религиозной безопасности волнуют не только православных, но и мусульман, обеспокоенных сохранением своей культуры и картины мира [24]. Философский анализ массового религиозного сознания, проведенный П. В. Чельшевым, показывает, что процессы преобразования сознания верующих, инкриминируемые нетрадиционным религиям, широко распространены в истории и свойственны деятельности христианских и индуистских мистиков [33, с. 9].

Эти авторы определяют одну из важных проблем современной России, которая заключается в том, что современные тенденции развития свободного рынка духовности в нашей стране столкнулись с влиянием традиции государства, для которого сохранение стремления к свободе вероисповедания означает наличие проблем с сохранением государственности и поддержанием социальной безопасности. Следовательно, научной и социальной проблемой современной России в сфере религиозной безопасности является противоречие между ценностями религиозного либерализма и ограниченностью возможностей его действия, так как значительная часть религий воспринимается в качестве угрозы национальной и личной безопасности. Таким образом, дискурс, посвященный проблемам религиозной безопасности в отечественной науке, протекает в контексте общей парадигмы развития мировой науки, повторяя обсуждение многих вопросов, связанных с борьбой антикультулизма против религиозных объединений, не входящих в общепринятый перечень приемлемых в обществе групп.

В целом приведенный анализ, продемонстрировавший многообразие проявлений и оценок проблемы религиозной безопасности, ставит вопрос о необходимости поиска подхода к исследованию религиозной безопасности, наиболее адекватно отвечающего требованиям современной ситуации с ее многообразными и не поддающимися однообразному толкованию проявлениями религии. При этом ситуацию усложняет активное противостояние в среде исследователей религиозной безопасности, часть которых, выполняя социальный заказ и отражая свои метафизические убеждения, публикует разоблачительные материалы против религиозных объединений, считающихся ими не только нетрадиционными, но и представляющими опасность и даже экстремистскими, а другая часть пытается отстоять не только интересы верующих и их право на свободу религиозного выбора, но и научные идеалы. Эти исследования показывают, что проблема религиозной безопасности нуждается в дополнительном философском исследовании с учетом анализа проблем безопасности государства, общества и личности.

Вывод:

1. Начиная с 90-х гг. XX в. на территории России проходят процессы, влияющие на изменение социального отношения к религии, что служит основанием для пересмотра научных трактовок социальной роли религии. Несмотря на то, что в целом отношение к религии стало более терпимым, многие исследователи отмечают актуализацию негативного потенциала ряда религиозных объединений и проводят исследование аспектов социальной реальности, которые являются факторами смятения либо усиления межконфессиональной напряженности. Одни из авторов публикаций, посвященных религиозной безопасности, выполняя социальный заказ и отражая свои метафизические убеждения, распространяют разоблачительные материалы против религиозных объединений, считающихся ими опасными и даже экстремистскими, однако всегда находятся те, кто отстаивает интересы верующих, указывая на наличие позитивных и интегрирующих функций у тех же самых религий.

2. Причиной того, что исследования религии представляют широкую палитру мнений относительно возможной опасности религии, является разница между внешней формой, в какой наблюдаются социальные проявления религии, и ее скрытой сущностью, представления об опасности которой преобладают над представлениями об опасности внешних, социальных форм проявления религии. Проведенное исследование позволяет утверждать, что для адекватного понимания проблемы религиозной безопасности необходимо отказаться от методологии описания, основанной на разделении религий на «свои» и «чужие», и разделять понятия

религии и социальной практики религиозных объединений, которая может выходить за рамки религиозных предписаний и носить либо конструктивный, либо деструктивный характер.

Список источников

1. **Аксюциц В.** Синдром масонства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/20442.html> (дата обращения: 23.10.2017).
2. **Андреева Л. А.** Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 251 с.
3. **Астахова Л. С., Бухараев Я. В.** Социальная ответственность религиозной организации и религиозная безопасность как факторы национальной безопасности // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний и Казанского филиала Российской международной академии туризма. Казань, 2006. Вып. 2. С. 53-58.
4. **Багаева К. А., Чагдурова Э. Д.** Государственно-религиозное взаимодействие в современном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 25-28.
5. **Балагушкин Е. Г.** Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.
6. **Богданов К. А.** Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 438 с.
7. **Богданова О. А.** Процесс секуляризации и кризис личности в западной культуре XX века. Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 2001. 140 с.
8. **Гордиенко Н. С.** Российские Свидетели Иеговы: история и современность. СПб.: Арт-Бизнес-Центр, 2002. 233 с.
9. **Григорьева Л. И.** Нетрадиционные религии в современной России: социальная природа и тенденции эволюции: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1994. 21 с.
10. **Дворкин А. Л.** Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд-е 3-е, перераб. и доп. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. 813 с.
11. **Иваненко С. И.** Обыкновенный антикультизм. М.: Древо жизни, 2017. 143 с.
12. **Иваненко С. И.** Реанимация старого жупела? [Электронный ресурс] // Центр религиоведческих исследований «Религиополис». URL: <http://religiopolis.org/religiovedenie/7102-reanimatsija-starogo-zhupela.html> (дата обращения: 06.11.2017).
13. **Инговатов В. Ю.** Русское старообрядчество и секуляризация религиозного сознания // Ползуновский альманах. 1999. № 3. С. 137-139.
14. **Кангеров И. Я.** Новые религиозные движения в России. М.: ББИ, 2007. 472 с.
15. **Кольченко И. А.** Рецензия кандидата философских наук Кольченко И. А. от 18.06.2003 на книгу А. Л. Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» // Очерки российского сектоведения. СПб.: Ревнителы Православия, 2006. С. 145-174.
16. **Конь Р. М.** Сектоведение [Электронный ресурс]. URL: http://otechnik.narod.ru/konsect_1.htm (дата обращения: 25.10.2017).
17. **Красников А. Н.** Методология западного религиоведения второй половины XIX – XX века: автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2007. 50 с.
18. **Кузнецов М. Н.** Рецензия профессора, доктора юридических наук М. Н. Кузнецова от 09.01.2001 на книгу А. Л. Дворкина «Сектоведение. тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» // Очерки российского сектоведения: сборник. СПб.: Ревнителы Православия, 2006. С. 126-144.
19. **Кучурин В. В.** Особенности религиозной жизни и религиозности российских масонов-розенкрейцеров в последней трети XVIII – первой четверти XIX в. // Человек верующий в культурах России: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2011. С. 146-160.
20. **Лункин Р. Н., Филатов С. Б.** Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 136-150.
21. **Митрохин Н.** Церковь после кризиса [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/engine/print.php?newsid=294&news_page=1 (дата обращения: 05.11.2017).
22. **Оленич Т. С.** Философско-религиозные основы вероучения апокалиптических культов // Вестник Мариупольского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 7-11.
23. **Плужников Е. Н.** Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики: дисс. ... к. полит. н. М., 2010. 166 с.
24. **Полосин А.-В. С.** Почему я стал мусульманином. Прямой путь к Богу. М.: Прямой путь, 2004. 68 с.
25. **Силантьев Р. А.** Современная география исламского сообщества России. М.: РИСИ; ФИБ, 2016. 248 с.
26. **Стеняев О. В.** Диспут со Свидетелями Иеговы. М.: Лепта, 2004. 254 с.
27. **Таевский Д.** Синкретические религии и секты. М.: Интрада, 1999. 111 с.
28. **Ткаченко С. В.** Информационная война против России. СПб.: Питер, 2007. 226 с.
29. **Традиционные религии России** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filipoc.ru/rodina/traditsionnyie-religii-rossii> (дата обращения: 14.09.2017).
30. **Фаликов Б.** Культы и культура: от Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М.: РГГУ, 2007. 265 с.
31. **Фетисов А. С.** Развитие конфессиональной ситуации в Горном Алтае в 1991-2001 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2009. 198 с.
32. **Хвьяля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А.** Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996. 83 с.
33. **Чельшев П. В.** Обыденное сознание, или Не хлебом единым жив человек. М.: МГГУ, 2007. 26 с.
34. **Шатохин С. А.** Рецензия директора Департамента геополитических исследований Института гуманитарного образования, кандидата философских наук С. А. Шатохина от 14.01.2001 на книгу А. Л. Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» // Очерки российского сектоведения: сборник. СПб.: Ревнителы Православия, 2006. С. 4-55.
35. **Шахов М. О.** Старообрядческое мировоззрение религиозно-философские основы и отношение к обществу: религиозно-философские основы и отношение к обществу: дисс. ... д. филос. н. М., 2000. 377 с.
36. **Шуберт Т. Э.** Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. М.: Право и Закон, 2001. 176 с.

RELIGIOUS SECURITY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN POST-SOVIET RUSSIA

Zhukov Artem Vadimovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Transbaikal State University, Chita
artem_jukov68@mail.ru

The article is devoted to the analysis of studies of religious security in post-Soviet Russia, where processes that affect the change of social attitudes towards religion are taking place. As the article shows, many scientists conduct researches on the factors of inter-confessional tension, based on the methodology of “native” and “alien”. However, in order to understand the problem of religious security adequately, it is necessary to distinguish between the notions of “religion” and “religious associations”, the social practice of the latter may go beyond the framework of religious prescriptions.

Key words and phrases: religious security; conceptions of religious security; confessional interaction; social practice of religions; religious threat; danger of religion; religious world view; inter-confessional conflicts.

УДК 7.067

Искусствоведение

Статья посвящена анализу феномена современного скрипичного исполнительства в рамках джазового искусства. Научной новизной статьи является обобщение актуальной концертной практики ведущих джазовых скрипачей рубежа XX-XXI веков, выявление общих тенденций в области расширения выразительных и технических возможностей инструмента в творческих исканиях Д. Венути, Н. Кеннеди, С. Стаффа, Д. С. Голощёкина и К. Карапетяна. Выявлено, что творческие поиски выдающихся джазовых скрипачей стали важным фактором сохранения и развития системы выразительных средств джазового искусства.

Ключевые слова и фразы: джаз; современное скрипичное исполнительское искусство; Джо Венути; Найджел Кеннеди; Смит Стафф; Давид Голощёкин; Карен Карапетян.

Зайцева Марина Леонидовна, д. искусствovedения, доцент

Будагян Регина Робертовна

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, г. Москва
marinaz1305@mail.ru; r.budagyan@mail.ru

ДЖАЗ И СОВРЕМЕННОЕ СКРИПИЧНОЕ ИСКУССТВО

XX век охарактеризовался появлением множества музыкальных направлений, среди которых джаз и популярное массовое искусство оказались наиболее устойчивыми к смене культурных парадигм. Джаз на протяжении всего столетия сохранил присущую ему идиоматику и в то же время выявил способность к интеграции с другими музыкальными стилями. Уникальность джаза заключается в том, что он не является только частью музыкального искусства, не исчерпывается специфической лексикой (мелодикой, гармонией, ритмом, фактурой), а включает в себя множество характерных внемузыкальных качеств (визуальность, коммуникативность, артистизм поведения музыкантов на сцене и т.д.).

Сформировавшиеся внутри джаза художественные константы позволили ему стать ярким феноменом музыкального искусства XX века, обладающим культурфилософской перспективой и широким спектром воздействия на систему художественного мышления и эстетического восприятия современного человека [7, с. 27]. Появление джазовых школ и первых теоретических исследований джаза в 40-50-е годы XX века способствовало выведению джаза из обширного контекста развлекательной и прикладной музыки, он стал осмысливаться как «серьезная» музыка, акцентированная на новациях и оригинальности.

В отличие от коммерциализованной поп-музыки, джаз – это, прежде всего, «способ конструирования позитивной идентичности» [11], это – философия и творчество, требующее «самоотречения, самоотдачи, высокого профессионализма, бесконечного совершенствования. Связанный с остальными формами общественного сознания – религией, политикой, философией – джаз стал индикатором всех социокультурных, политических и экономических преобразований, происходивших в обществе. Он сам испытывал их влияние и одновременно влиял на них» [13].

Можно говорить о последовательном процессе «джазовизации» искусства XX века, проявляющемся в активном использовании джазовой музыки в кинематографе («Веселые ребята» (1934), «Серенада солнечной долины» (1941), «В джазе только девушки» (1959), «История Глена Миллера» (1954), «Джаз в летний день» (1959), «Мы из джаза» (1983), «Птица» (1988), «Одержимость» (2013), «Ла-Ла-Ленд» (2016) и др. фильмы), в усиливающемся интересе творческой личности к кумирам публики среди художников (портреты джазовых музыкантов, выполненные Б. Оттом, Д. Октябрем, И. Сергеевой, Ю. Шевчуком и др.), писателей (сборник эссе «Джазовые портреты» Х. Мураками, роман «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда), а также в появлении феномена «литературного джаза», характерными признаками которого стали «импровизация и интерпретация, нарративная и экспрессивная полифония» [11].